

„Гений из приволжской степи“ (Ein Genie aus der Wolgasteppe)

назвал свою новую книгу **Роберт Корн**. Она вышла в канун 200-летия со дня рождения известного в своё время в России поэта и переводчика **Эдуарда Губера**, который прославился, прежде всего, тем, что впервые перевёл трагедию Гёте „Фауст“ на русский язык. Этот титанический труд он завершил в 23-летнем возрасте, но поскольку цензура по неизвестным причинам запретила сдать перевод в печать, разочарованный переводчик сжег рукопись, результат многолетнего труда. Никто иной как А.С. Пушкин разыскал впавшего в отчаяние поэта, ободрил его и вдохновил на повторный перевод великого творения Гёте. В адресованном Пушкину „Посвящении“ Губер так и пишет:

*Когда меня на подвиг трудный
Ты, улыбаясь, вызывал,
Я верил силе безрассудной
И труд могучий обещал...*

Великий поэт не только явился инициатором повторного перевода „Фауста“, он неоднократно встречался с Губером, обсуждал с ним отдельные фрагменты перевода, делился советами. С другой стороны, автор книги подчеркивает, что утверждение, будто Губер и Пушкин были друзьями, является преувеличением. Но то, что Пушкин был кумиром Губера и молодой поэт во всём пытался ему подражать, никакого сомнения не вызывает.

Смерть Пушкина потрясла Губера и он откликнулся на это трагическое событие стихотворением „На смерть Пушкина“, о котором сегодня мало кто знает. Вот лишь несколько строк из этого произведения:

*Я видел гроб его печальный,
Я видел в гробе бледный лик.
И в тишине с слезой прощальной
Главой на грудь его поник.
Но пусть над лирою безгласной
Порвется тщетная струна
И не смутит тоской напрасной
Его торжественного сна...*

Со ссылкой на М.Н. Лонгинова, который опубликовал это стихотворение в „Московских ведомостях“, Р. Корн пишет, что стихотворение Губера распространялось в списках по Петербургу так же, как и почти одноименное стихотворение Лермонтова, которое мы помним со школьной скамьи. Недаром Губер отчетливо обнаружил свою созвучность поэзии Лермонтова. Что касается смерти Пушкина, то Э. Губер в ней полностью обвинял жену поэта, в то время как М.Ю. Лермонтов был другого мнения, обвиняя во всём „наперсников разврата“. И автор книги также отмечает, что упреки Губера в адрес Н.Н. Гончаровой оказались необоснованными. Тем не менее, отклик Губера, несмотря на завуалированность протеста, его возмущение, негодование, угрозы отмщения убийце великого поэта можно понять:

*А ты! Нет девственная лира
Тебя, стыдясь, не назовет,
Но кровь певца в скрижали мира
На суд веков тебя внесёт.*

*Влачись в пустыне безоглядной
С клеймом проклятья на челе!
Твоим костям в могиле холодной
Не будет места на земле!*

Кроме того, автор книги подчеркивает, что живое общение Губера с Пушкиным, связь с пушкинскими традициями благотворно сказались на его творческом развитии. Именно Пушкинская традиция питала поэзию Губера глубокими мыслями и идеями, позволяла соответствующим образом воспринять и отразить многие стороны российской действительности, в целостной художественной форме передать переживания и настроения современника, всю противоречивую гамму его чувств.

Известно, что перевод „Фауста“, выполненный Губером, по мнению некоторых ученых уступает переводам, осуществленным другими поэтами. В этой связи Корн подчеркивает, что эти ученые забывают о том, что перевод Губера был первым, а быть первым в таких случаях всегда труднее.

Перевод Губера получил при появлении достаточно высокие отзывы. *„Кажется, что будто лирика Пушкина ожила нарочно для того, чтобы передать нам великое творение германского поэта и философа языком и стихом, достойным его“*, - писала в 1838 г. „Библиотека для чтения“. (Сам Пушкин не дожил до публикации перевода).

Лестные для Губера параллели с Пушкиным „Библиотека для чтения“ проводила и в последующие годы. Так, в 1845 г. О.И. Сенковский писал: *„Пушкинский стих остался у Эдуарда Ивановича. Он один наследник и владетель этой драгоценности“*. В этом же ключе высказались и другие рецензенты.

До появления книги Р. Корна считалось, что Э.И. Губер родился в колонии Усть-Золиха (Мессер). Указывается это и в недавно вышедшей энциклопедии „Немцы России“. Целый ряд авторов многие годы упрямо переписывал это утверждение друг у друга, сподобствуя его „укоренению“ в специальной литературе. Р. Корн, опираясь на источники, доказал, что это утверждение ошибочно: не подлежит никакому сомнению, что Э.И. Губер вместе с родителями переехал в Усть-Золиху (Мессер) лишь в шестилетнем возрасте, а родился он в 1814 г. в Екатериненштадте (сегодня г. Маркс) в семье пастора Иоганна Самуила Губера, весьма образованного человека, выпускника Женевского университета, свободно владеющего древнегреческим и латынью. Он и стал первым духовным наставником сына Эдуарда, который был трогательно привязан к своим родителям и всегда с особой теплотой о них отзывался. В стихотворении „Могила матери“ поэт пишет:

*Я помню заботы твои!
Ты мною жила и дышала,
Ты в стужу снимала лохмотья свои
И ими меня согревала.
Ты жесткое ложе травой устлала,
Малютку на нем уложила,
Ты целые ночи над ним не спала,
За ним и больная ходила.*

А своему отцу, который из Усть-Золихи был переведен на службу в евангелически-лютеранскую консисторию в Саратов, а затем стал генерал-суперинтендентом Московской евангелически-лютеранской консистории, поэт посвятил следующие строки:

*Он был еще не стар годами,
Он даже молод был мечтами
И светлым взглядом на людей.*

*Он веровал, как в наши годы
Уже не веровал никто,
В могучем образе природы
Ему являлось большинство...*

*Он был учен, как все пасторы,
Он много жил и много знал.
Любил классические споры
И комментарии писал.*

*Ему и книгою настольной
Служил божественный Гомер,
Поклонник греческого неба,
Ценитель строгой красоты
Он не у нынешнего Феба
Искал восторженной мечты.*

В книге (на немецком языке) приведены строки из поэмы Губера „Антоний“, которые наглядно свидетельствуют о том, что поэт сохранил навсегда не только любовь к родителям, но и к своей малой родине:

*На Волге, бурной и широкой,
Лежат богатые поля,
Луга шумят травой высокой,
В цветах красуется земля.
Прибрежных гор седое темя
Кругом на страже возлегло;
На те поля чужбое племя
Свои пенаты принесло.
Сынов Германии разумной
Сюда Россия позвала
И на долинах Волги шумной
Им лес и поле отвела.
Там есть село: я помню живо,
Как на зеленых берегах, где плещут воды
Был домик; пастор в нем жила,
Я даже сам его знавал.*

Одно из своих стихотворений, которое некоторые критики считают одним из его лучших, поэт так и назвал „Странник“. Оно было написано перед смертью поэта и навеяно его мечтой о поездке в отчие края:

*... Иду домой знакомую дорогой.
Я издали вернулся. На покой
... Житейскою тревогой
Я утомлен и, слабою рукой,
Облокотясь на посох мой убогий,
Я думаю с невольною тоской:
Кто мой приход на родину заметит,
Кто ныне здесь меня, как друга, встретит?*

Этот вопрос и сегодня задают себе тысячи его соплеменников, ограбленных и вышвырнутых на чужбину.

В русскую среду Э. Губер попал лишь в 1823 г., когда его семья переехала в Саратов. До этого он жил исключительно в немецком окружении, а свои первые стихи писал не только на немецком, но и на латинском языке. К сожалению, большинство этих стихов, которые поэт записывал в особую тетрадь, не сохранилось.

По приезду в Саратов у Эдуарда возникла острая необходимость в изучении русского языка, поскольку без владения им учеба в русской гимназии была невозможной. А немецкой гимназии в Саратове не было. С этой задачей Эдуарду удалось справиться с помощью учителя гимназии Волкова.

Закончив гимназию, Эдуард поступил в Петербургский корпус путей сообщения, после учебы служил в армии военным инженером, а затем поступил на статскую службу в канцелярию графа Клейнмихеля. Оставив и гражданскую службу, Губер полностью посвятил себя литературному творчеству, активно сотрудничая в различных журналах.

В книге подробно анализируются фундаментальные сочинения Губера о немецкой литературе и истории философии, а также его статьи, посвященные Ф. Шиллеру (Вильгельм Тель), М.В. Ломоносову, Н.М. Языкову, Н.В. Гоголю, которые по мнению автора книги не потеряли своей актуальности и сегодня. Что касается перевода „Фауста“, то напомним еще раз, что многие современники высоко отозвались о нем, называя образцовым. Сам же Губер оценил свой титанический труд очень скромно, назвав его в своем стихотворении „Посвящение“, адресованное Пушкину, „незрелый, бледный цвет“:

*Ты разбудил немые силы,
Ты завещал мне новый свет, -
И я к дверям твоей могилы
Несу незрелый, бледный цвет.
Простой листок в венке лавровом,
Простая дань души простой
Не поразит могучим словом
И не богата красотой.
Но над могилою кровавой
Я брошу блеклый мой листок,
Пока сплетет на гробе славы
Другой певец – другой венок.*

В заключение отмечу, что место проживания Э. Губера в Екатериненштадта и Мессере неизвестно. В Петербурге – тоже. Поэт похоронен на лютеранском (Волковском) кладбище в Петербурге, но его могила утеряна. Достоверно может быть только установлено его место проживания на Немецкой улице в г. Саратове. Может быть хоть в юбилейном для Эдуарда Губера году его земляки и саратовские краеведы почтут его память хотя бы мемориальной доской на этой улице? Он её несомненно заслужил. Нам же остается пока рассматривать книгу Роберта Корна „Genie aus der Wolgasteppe“ в качестве своеобразного венка на несуществующую могилу незаслуженно забытого поэта в честь 200-летия со дня его рождения.

Проф. д-р Э. Франк

Книгу Р. Корна „Eduard Huber - Ein Genie aus der Wolgasteppe“ можно заказать по телефону 06241/936664 (с 18.00)